

Глава 14. Мы с тобой знакомы с давних пор. Я уж думал, ты забыл

В тот день стоял седьмой год правления Цзинхэ. До того, как Янь Фэнъянь сдал экзамен на степень сюцая, оставался ещё целый год. Приближался праздник Цинмин. В Великой Чжоу в эти дни было принято посещать могилы предков, совершать поминальные обряды, выезжать на весенние прогулки и любоваться пробуждающейся природой. В знак особого почтения к этому празднику ученикам всех академий ежегодно предоставляли трёхдневные каникулы.

Когда Янь Фэнъянь возвращался из уездного города, ещё издали он заметил, что склоны холмов и поля покрылись пёстрым ковром весенних цветов. Внезапно охваченный желанием полюбоваться этой редкой красотой, он сошёл с воловьей повозки и свернул на горную тропинку за деревней.

Дойдя до ущелья Персиковых деревьев, он неожиданно увидел подростка, который ходил между несколькими дикими фруктовыми деревьями.

Место это было глухим и безлюдным, и внезапное появление человека так испугало Янь Фэнъяня, что на миг ему даже почудилось — не горный ли это дух или лесное чудовище, о которых пишут в книгах? Но, присмотревшись, он понял, что перед ним всего лишь какой-то нищий.

Мальчишка был худ до крайности. Одежда на нём, похоже, была подобрана где-то на свалке: ткань сама по себе была неплохой, но вещи совершенно не подходили по размеру и висели на нём, словно пустой мешок. Стоя под персиковым деревом, он что-то соскабливал с коры обеими руками и время от времени отправлял это в рот.

До сезона персиков было ещё далеко, так что единственным съедобным здесь, скорее всего, была только персиковая камедь, выступавшая на стволе дерева.

Янь Фэнъяню захотелось подойти и заговорить с мальчиком, но он опасался, что его неожиданное появление лишь напугает незнакомца. Пока он колебался, не зная, стоит ли приближаться, нищий неожиданно уловил звук его шагов и резко вскинул голову.

Перед глазами Янь Фэнъяня возникло худое, перепачканное грязью лицо с немного выступающими скулами и острым подбородком. Зато большие миндалевидные глаза ярко блестели, полные настороженности и недоверия.

Янь Фэнъянь сделал шаг вперёд — мальчик тут же отступил назад. Стоило ему остановиться — тот тоже замирал. Так они и стояли, не понимая, что делать дальше.

Несколько мгновений юноши молча смотрели друг на друга. В конце концов первым не выдержал Янь Фэнъянь. Он развязал узелок с вещами и достал две паровые пампушки.

Он купил их в городе, но, пока ехал на повозке, так и не нашёл случая перекусить. Теперь же Янь Фэнъянь решил лучше отдать их этому нищему.

Протянув пампушки вперёд, он спросил:

— Будешь?

Нищий устался на еду, невольно сглотнул слюну, но с места не двинулся.

Янь Фэнъянь медленно подошёл ближе и остановился лишь тогда, когда мальчику достаточно

было протянуть руку, чтобы взять угощение.

— Ешь. Денег я не прошу. И возвращать ничего не нужно.

Тот посмотрел сначала на пампушку, потом на самого Янь Фэнъяня. В его ясном взгляде и мягком выражении лица не чувствовалось злого умысла, поэтому настороженность понемногу ослабла. Облизнув пересохшие губы, мальчик осторожно взял одну пампушку и откусил совсем маленький кусочек.

Похоже, он знал, каково это — подавиться от голода. Хотя есть ему хотелось до отчаяния, он вовсе не набросился на еду. Янь Фэнъянь молча наблюдал, как тот спокойно, кусочек за кусочком, доедает пампушку. Когда она закончилась, он сразу протянул ему вторую.

Теперь, съев первую, мальчик уже не стал притворяться сдержанным и принялся жевать гораздо быстрее.

Проглотив последний кусок, он вдруг опустился перед Янь Фэнъянем на колени, низко поклонился и хрипло произнёс:

— Спасибо.

Янь Фэнъянь поспешно поднял его на ноги.

— Я дал тебе всего лишь две пампушки. Неужели ради такого стоит становиться на колени? Разве ты не слышал, что у настоящего мужчины колени дороже золота?

Мальчик непонимающе покачал головой.

— Это значит, что хороший мужчина не должен без причины преклонять колени перед людьми.

С этими словами Янь Фэнъянь стряхнул пыль с его колен, затем достал платок, вытер крошки с уголков рта и заодно немного очистил от грязи лицо.

И только тогда он заметил, что перед ним вовсе не мальчик, а гер.

Красная родинка на его лбу едва проступала и была почти незаметна, но если присмотреться, её всё же можно было различить.

Янь Фэнъянь сделал шаг назад, увеличивая расстояние между ними, и спросил:

— Как тебя зовут? Из какой ты деревни?

Тот не стал скрывать.

— Вэнь Си... из деревни Даосян.

— А? Так ты тоже из Даосяна? Странно, почему я совсем тебя не помню? — немного подумав, сказал Янь Фэнъянь. — Ты, случайно, не ребёнок Вэнь Шишаня?

Вэнь Си кивнул.

— Тогда понятно. Я Янь Саньлан, сын плотника Яня с западной окраины деревни. Наши семьи живут далеко друг от друга. К тому же я учусь в городе и почти никогда не бываю возле вашего

дома, так что неудивительно, что мы редко виделись.

После десяти лет родители отправили Янь Фэнъяня учиться в городскую академию. За целый год он возвращался в деревню лишь на время каникул, а Вэнь Си был на несколько лет младше него. Неудивительно, что прежде они почти не знали друг друга.

Помолчав немного, Янь Фэнъянь снова спросил:

— А знаешь, каким иероглифом пишется «Си» в твоём имени?

Вэнь Си покачал головой.

Видя, что тот, похоже, никогда не учился грамоте, Янь Фэнъянь поднял с земли сухую ветку, нашёл участок земли, где почти не росла трава, и написал на ней несколько иероглифов.

Вэнь Си ничего не понимал, но и спросить не осмеливался. На его лице читалась неловкость.

— Вот этот си означает «запад», указывает направление. Этот си — «надежда». А этот си — уже совсем простой, означает «ручей», — поочерёдно объяснил Янь Фэнъянь.

Вэнь Си посмотрел на иероглиф «» и тихо сказал:

— Отец с матерью всегда ругали меня... они говорили, что я — вонючая вода из сточной канавы, никому не нужная, куда бы ни потекла. Значит, это и есть тот самый иероглиф.

Янь Фэнъянь презрительно фыркнул.

— Да что твои родители понимают? Сразу видно — люди необразованные. Ты только посмотри на горный ручей: ни камни не могут его остановить, ни грязь не способна замутить его воды. Пусть он невелик, зато полон жизни; мягок, но не слаб. Вряд ли найдётся иероглиф с более прекрасным смыслом.

Он написал на земле полное имя Вэнь Си и стал разбирать его по чертам:

— Иероглиф Вэнь — это «ухо» внутри «ворот». А в иероглифе Си слева стоят три точки, обозначающие воду. Справа сверху — словно коготь, а снизу — иероглиф яо и иероглиф да, «большой».

Слова Янь Фэнъяня пробудили в душе Вэнь Си какое-то странное, тёплое чувство.

Он долго смотрел на два написанных иероглифа, потом присел на корточки и осторожно провёл пальцем по земле, обводя их черта за чертой.

Когда он закончил, ему вдруг показалось, что его имя уже не звучит так отвратительно.

— Значит... я вовсе не вонючая вода из канавы?

— Конечно нет, — ответил Янь Фэнъянь. — Если кто-нибудь ещё раз скажет тебе такое, просто повтори ему мои слова. Это прекрасный... очень хороший иероглиф.

Вэнь Си всегда считал себя сорной травой, которую любой может безжалостно растоптать. Даже собственное имя казалось ему ненавистным.

Но теперь оно обрело совсем другой смысл.

Не дурной.

Не зловонный.

А хороший.

На его губах появилась едва заметная улыбка, хотя уголки глаз уже увлажнились.

С виду Вэнь Си казался совсем ребёнком, но на самом деле ему было уже двенадцать или тринадцать лет — он всего на три года младше Янь Фэнъяня.

Один был мужчиной, другой — гером. Остаться вдвоём в глухом лесу казалось небезопасно: если кто-нибудь их увидит, то пересудов не избежать.

Янь Фэнъянь отбросил ветку в сторону, поднялся, стряхнул с ладоней землю и достал из узелка оставшиеся две пампушки.

— Уже поздно. Мне пора. Тебе тоже не стоит одному оставаться в лесу. Возвращайся домой пораньше.

Вэнь Си молча прижал пампушки к груди, посмотрел на него и тихо произнёс:

— Спасибо.

Янь Фэнъянь кивнул и пошёл обратно в деревню той же дорогой, какой пришёл.

Проводив его взглядом, Вэнь Си поднял с земли ветку и, подражая оставленным на земле иероглифам, впервые сумел написать своё имя.

Опасаясь, что кто-нибудь случайно пройдёт мимо и увидит надписи, он не успел даже как следует обрадоваться. Едва запомнив их, он затёр всё ногой, а сверху набросал травы, скрывая следы их недолгой встречи.

Кроме него и Янь Фэнъяня, никто так никогда и не узнал, что однажды их пути здесь пересеклись.

Воспоминания рассеялись, и Янь Фэнъянь сказал:

— Я показал тебе эти два непростых иероглифа всего один раз, а ты сразу их запомнил. Ты и правда очень сообразительный. Я уж думал, ты давно всё забыл.

Будь у Вэнь Си выбор, он никогда не стал бы вспоминать всё, что связывало его с Янь Фэнъянем. Но стоило тому заговорить об этом, как прошлое само всплыло в памяти.

Сонливость исчезла без следа. С лёгкой, почти неосознанной обидой он тихо произнёс:

— Это ты всё забыл.

Иначе как человек, который когда-то говорил, что его имя такое прекрасное, мог потом вместе с Вэнь Лю называть его вонючей водой из канавы?

Янь Фэнъянь уловил скрытое разочарование в его голосе. Он приоткрыл рот, собираясь что-то

объяснить, но не знал, с чего начать. В итоге все тысячи слов слились лишь в одну короткую фразу:

— Прости.

Но Вэнь Си вовсе не нужны были извинения.

Только вот и сам он не понимал, что именно хотел услышать от Янь Фэнъяня.

В груди поднялось какое-то странное, необъяснимое чувство, тревожащее сердце. Не желая больше говорить, он отвернулся к стене, всем своим видом показывая нежелание продолжать разговор.

Поступки совершал вовсе не он, а отвечать за них приходилось ему. От этой несправедливости Янь Фэнъянь только сильнее мрачнел, не зная даже, кому пожаловаться.

Они долго не могли уснуть, каждый был погружён в собственные мысли. Лишь глубокой ночью сон наконец сморил их. А утром они вели себя так, будто между ними вовсе ничего не произошло.

С каждым днём становилось всё холоднее, работы в поле почти не оставалось, поэтому Вэнь Си целыми днями учился шить вместе со свекровью и невесткой.

Ли Вань спросила его:

— Дома тебе доводилось заниматься таким?

Вэнь Си покачал головой.

— Нет. Как они могли доверить мне ткань? Они боялись, что я всё испорчу. Не то что шить, мать даже смотреть не позволяла, как это делают другие, чтобы я ничего не запомнил.

Немного помолчав, он добавил:

— Но с иглой я обращаюсь неплохо. Когда дома рвалась одежда, всегда зашивал её я.

Сначала он чинил только свои вещи. Потом Ли Цяочжэнь заметила, что стежки у него аккуратные, и стала бросать ему всю порванную одежду в доме.

Зная, что Вэнь Си не станет хвастаться тем, чего не умеет, Ли Вань взяла уже выкроенный рукав и сказала:

— Тогда обработай края.

Опасаясь, что он не поймёт, она взяла иглу и, показывая на деле, объяснила:

— Нужно прошить вдоль среза, чтобы ткань не осыпалась.

Вэнь Си никогда не брался за то, в чём не был уверен. Внимательно посмотрев пару раз одежду, он убедился, что справится, и, взяв иглу, принялся за работу.

Ли Вань, опустив голову, раскраивала ткань, лишь изредка поглядывая на него. Понаблюдав немного, она сказала Хэ Цзинь, сидевшему рядом:

— А Сяоси шьёт довольно быстро.

Хэ Цзинь тоже поднял взгляд.

— Стежки мелкие и ровные, расстояние между ними одинаковое. Если бы ты не сказала, я бы решил, что он давно этим занимается.

С помощью Вэнь Си работа пошла ещё быстрее. Домашние первым делом решили сшить одежду для него и Янь Фэнъяня. Вскоре у них были готовы одна короткая куртка из грубого полотна и две лазурно-зелёные рубахи.

Рубахи выглядели слишком простыми, поэтому Хэ Цзинь решил добавить узоры на воротник и манжеты. Янь Фэнъянь особенно любил бамбук и лавр, поэтому эти вышивки как раз подходили к ткани зелёного и жёлтого цветов.

Особых предпочтений у Вэнь Си не было. Раз Янь Фэнъянь выбрал бамбук, он тоже решил вышить бамбук.

Порывшись в корзине с нитками, Хэ Цзинь спросил:

— Как думаешь, какие цвета лучше подобрать?

Вэнь Си не догадывался, что тот намеренно испытывает его. Сравнив оттенки ниток с цветом одежды, он выбрал несколько, которые показались ему наиболее подходящими.

Оказалось, Хэ Цзинь остановился на тех же самых цветах. Он с улыбкой сказал:

— Неплохо. Чувство цвета у тебя даже лучше, чем у старшей невестки. Может, тогда ты сам вышишь узор на одежде третьего брата?

Вэнь Си поспешно замахал руками.

— Нет-нет, этого я правда не умею.

Хэ Цзинь не стал его принуждать.

— Тогда пока просто смотри, как я вышиваю. Потом попробуешь сам.

Недаром и Чэнь Ланьфан, и Ли Вань так хвалили мастерство Хэ Цзиня. Перед тем как начать вышивать, он даже не рисовал эскиз. Казалось, игла движется совершенно свободно, наугад. Но стоило работе закончиться, как узор оживал: появлялись объём, глубина и плавные переходы цветов. Это действительно вызывало восхищение.

Когда вышивка с бамбуком закончилась, обе рубахи наконец были полностью готовы.

Хэ Цзинь с улыбкой подтолкнул Вэнь Си:

— Иди скорее примерь. Надень и покажись нам.

Ли Вань, прислонившись к Хэ Цзиню, весело добавила:

— И одежду для третьего брата тоже захвати.

Получив новую одежду, Вэнь Си и сам не смог скрыть лёгкого волнения. Вернувшись в

комнату, он увидел, что Янь Фэнъань сидит за письменным столом с книгой в руках.

Подойдя к нему, он сказал:

— Старшая невестка просила нас примерить новую одежду.

— Хорошо.

Они уже столько времени спали в одной постели, что сменить верхнюю одежду при друг друге не казалось чем-то особенным. Но всё это происходило по ночам. Сейчас же был белый день, а Вэнь Си отличался застенчивостью. Опасаясь, что тот будет смущаться, Янь Фэнъань всё же отвернулся.

Спокойно переодевшись и не позволяя себе никаких лишних мыслей, он вскоре услышал тихий голос Вэнь Си:

— Я уже переоделся.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/18440/1866564>